

Все люди подвержены стадному чувству: стоило лишь отделиться от группы, как их тут же охватили одиночество и отчаяние. Увидев непреклонную решимость Лэй Чжэня, эта компашка была вынуждена молча кивнуть в знак согласия.

Ближайшая дорога к Кайпину пролегла через Лутай. Опасаясь возможных засад со стороны Ихэтуаней на пути, Лэй Чжэнь решил сделать крюк: сначала пойти на север, а затем повернуть на восток. Хотя этот маршрут получался немного длиннее, он пролегал в стороне от главных дорог Пекина и Тяньцзиня, позволяя избежать маршрутов наступления Альянса восьми держав, что гарантировало безопасность.

Оглядывая это стихийное сборище, Лэй Чжэнь понимал, что больше не может рисковать. Такой отряд совершенно не выдержал бы удара, даже самого малочисленного.

Одиннадцатое июля, около восьми часов утра.

Проведя в марше сутки, потрепанное воинство под предводительством Лэй Чжэня наконец добралось до посёлка Кайпин. Их численность сократилась с почти тысячи восьмисот человек до с небольшим тысячи четырехсот. Примерно две-три сотни отставших солдат дезертировали под покровом ночи прямо на марше.

К счастью, Дун Фухэ и большинство техников и рабочих с арсенала всё еще следовали за ними, что немного подняло Лэй Чжэню настроение. В самом же Кайпине из-за слухов о том, что Альянс восьми держав наступает на Тяньцзинь, многие богатые и влиятельные семьи съехали целыми кланами в другие места. Даже управляющий Кайпинского горнодобывающего управления Чжан И бежал в концессию Цзычжулинь. В здании управления на хозяйстве остался лишь молодой помощник управляющего по фамилии Чжоу Сюэси. Иными словами, горнодобывающее управление оказалось заброшенным и фактически осталось без руководства.

Нет управления — и прекрасно, старина как раз возьмет всё в свои руки! И пусть Кайпин был лишь временным пристанищем, смотреть остекленевшим взором на горы черного золота перед глазами и продолжать строить из себя благородного отшельника или рассуждать о тех или иных трудностях — это было совсем не в стиле Лэй Чжэня.

Трудности, конечно, неизбежны, но пасовать перед ними из-за страха — вещь абсолютно непростительная. В личном словаре Лэй Чжэня вообще не существовало словосочетания «невозможно сделать».

Глупцы упускают деньги, когда те сами идут в руки.

Раз уж пришел, нельзя позволить возможности разбогатеть ускользнуть.

Вышедший из низов простой солдат Лэй Чжэнь вовсе не страдал избытком благородства в духе присвоил найденное — верни владельцу. По его мнению, раз уж хозяева бросили добро, то ему, нашедшему, нечего было перед кем-то церемониться и разыгрывать из себя скромника.

Глава тринадцатая: Старина захватил угольную шахту

Предположения всегда выглядят куда привлекательнее суровой реальности. Лишь с трудом разместив солдат и последовавшие за ними семьи, Лэй Чжэнь внезапно осознал, что упустил из виду одну серьезнейшую проблему.

Он абсолютно ничего не смыслил в управлении угольной шахтой. Если бы потребовалось организовать шахтеров на добычу угля или выступить в роли простого подрядчика, Лэй Чжэнь еще справился бы. Услышав, что у шахты появился хозяин, оставшиеся без дела горцы уже толпились у главного входа в управление, вопрошая, когда же наконец возобновятся работы и можно будет спускаться в забои.

Вот это кадры!

Для любого коммерческого дела нужны люди с головкой на плечах, но где среди бела дня раздобыть знающего толк в горном деле специалиста? И пока Лэй Чжэнь ломал голову от отчаяния, Дун Фухэ привёл к нему человека.

этого человека Лэй Чжэнь даже знал — им оказался тот самый оставшийся в здании помощник управляющего Чжоу Сюэси. Как пояснил Дун Фухэ, происхождение у Чжоу Сюэси было весьма солидное: его отец Чжоу Фу в ту пору служил правой рукой цзунду двух Гуандунов Ли Хунчжана, а сам он приходился сватом управляющему Кайпинским горнодобывающим управлением Чжан И. Именно поэтому тот и пристроил своего отпрыска, еще не сдавшего столичные экзамены, на теплое местечко.

Выслушав это объяснение, Лэй Чжэнь тяжело хлопнул себя по лбу. За дни ратных тягот и огневых штормов он едва не позабыл другие важные исторические факты.

Южный Чжан да Северный Чжоу — этот самый Чжоу Сюэси и впрямь был далеко не последней фигурой! Этот малый стоял в одном ряду с тем самым промышленником-чжуаньюанем Чжан Цзэнем, и потомки нарекли его гигантом северной промышленности, первой величиной в торгово-промышленных кругах Бэйянской клики. Такой выдающийся человек свалился на него прямо как снег на голову, и Лэй Чжэнь едва не лишился чувств от радости.

— Кхм... господин Чжоу, ваше взрослое имя, кажется, Цзичжи? Я, Лэй Чжэнь, подняв войска и войдя в Кайпин, преследовал единственную цель — сберечь этот залог возрождения нашей державы, чтобы он не достался иностранцам. Так что в эти дни я мог в чем-то проявить неучтивость, и надеюсь, вы не станете взыскивать строго.

Общаться с интеллигенцией — задача поистине непредсказуемая, манеру разговора тут с ходу не угадаешь. Лэй Чжэнь в прошлой жизни отличался прямолинейностью, да и здесь вышел из низов, привыкнув рубить правду-матку. Желая потрафить Чжоу Сюэси, ему пришлось изрядно поломать голову, собирая по сусекам памяти все подходящие случаю вежливые обороты.

— Генерал Не на поле боя убивает врагов ради защиты страны и отстаивает достоинство нашего Китая, и это ясно видят все патриотически настроенные сограждане. Цзичжи в глубине души преисполнен глубочайшего уважения. Не будь я лишь бедным книжником, опасаясь, что в войске меня сочтут за балласт, я бы сам сменил перо на меч и вместе с генералом Не и командиром Лэй встал плечом к плечу против внешних захватчиков! Раз уж у господина командира есть для меня поручения, прошу отдавать приказы без промедления!

Чжоу Сюэси был человеком образованным и уже имевшим дело с иностранцами. Его кругозор простирался гораздо дальше взглядов тех же Ихэтуаней или заскорузлых, косных чинуш при дворе, слепо ненавидевших всё иноземное. Он прекрасно видел искреннюю преданность Не Шичэна, в одиночку державшего оборону против иноземцев. Жаль лишь, что вдовствующая императрица при дворе словно ослепла и думала лишь о собственных удовольствиях.

Разумеется, столь любезное отношение Чжоу Сюэси к Лэй Чжэню объяснялось не только уважением к личности Не Шичэна. Войска Не формально числились за Хуайской армией и, точно так же как его отец Чжоу Фу, принадлежали к клике Ли Хунчжана.

— Не стоит столько церемоний, брат Цзичжи, зовите меня просто Лэй Чжэнем. Я слышал от Фухэ, что вы обладаете глубокими познаниями в управлении Кайпинскими угольными копиями, и мне как раз не терпится перенять ваш опыт!

На вид Чжоу Сюэси исполнилось уже тридцать четыре года, однако выглядел он необычайно молодо — лет на двадцать пять-шесть. Стоя рядом с Лэй Чжэнем, он казался старше всего на пару-тройку лет.

Чжоу Сюэси действительно оказался прирожденным гением управления. Начав с распределения шахт Кайланьских угольных копей, структуры уставного капитала и процентного соотношения долей акционеров, он обстоятельно изложил Лэй Чжэню весь производственный цикл: от добычи и транспортировки до сбыта. Применяемая им профессиональная терминология заставляла человека из будущего кивать в знак одобрения.

— Чтобы добывать высококачественный уголь, прежде всего необходимо провести разведку и оконтуривание пластов. Прежде этим неизменно заправляли иностранные инженеры, чьи услуги обходились баснословно дорого. Полагаю, мы вполне способны поручить это дело китайцам...

— К тому же не стоит беспокоиться о рынках сбыта добытого угля. По железной дороге, соединяющей Кайпин с портом Лункоу, мы с легкостью сможем организовать морские перевозки и отправлять товар покупателям. Разумеется, во избежание помех со стороны военных кораблей коалиции мы можем заблаговременно связаться с южными купцами, чтобы они сами присылали свои транспортные суда в порт. Хотя в цене мы из-за этого немного потеряем, зато безопасность будет обеспечена.

Каждому ремеслу учиться надо — эта старая истина верна и по сей день.

Эта встреча дала Лэй Чжэню четко понять, что его поверхностные познания в сравнении с опытом такого корифея управления, как Чжоу Сюэси, — не более чем капля в море. Поэтому на данный момент самым надежным и наименее хлопотным решением было полностью передать ведение дел на Кайланьских угольных шахтах в руки Чжоу Сюэси.

По сравнению с тем управляющим Чжан И, который чуть было не позволил англичанам и американцам за бесценок увести из-под носа угольную шахту, Чжоу Сюэси подходил на роль главы Кайпинского горнодобывающего управления неизмеримо лучше. Разумеется, чтобы успешно склонить его на свою сторону, одной лишь должности управляющего было недостаточно, и Лэй Чжэнь пустил в ход тяжелую артиллерию в виде части будущих прибылей.

Идея делиться частью доходов с управляющим персоналом принадлежала к числу современных бизнес-концепций, и теперь, будучи перенесена Лэй Чжэнем на сто с лишним лет назад, она должна была дать предсказуемый эффект.

Взвесив все за и против по поводу брошенного Лэй Чжэнем спасательного круга в виде полной свободы рук в управлении, Чжоу Сюэси всё же дал согласие. Хотя поступки Лэй Чжэня, который без соизволения двора дерзко прибрал к рукам права на разработку и управление Кайланьскими копиями, выглядели форменным бунтарством, Чжоу Сюэси оставался умным человеком и прирожденным дельцом — он видел за этим колоссальные коммерческие перспективы и несметные богатства.

Чего больше всего жаждет купец? Прибыли.

При таком раскладе что значат любые риски? Разве не ради баснословной наживы Чжоу Сюэси распродал семейное имущество и прибыл в Кайпинское управление в поисках места? Теперь шанс сам плыл к нему в руки, и устоять он не мог.

Помимо денежного соблазна, хаос в стране также подталкивал Чжоу Сюэси рискнуть. Боевые действия Альянса восьми держав в столичном регионе казались лишь началом. В пекинском дворе консервативная и ксенофобская клика во главе с Цзай И, Цзайланем и Ган И по-прежнему удерживала власть. После захвата Тяньцзиня дальнейшее наращивание сил интервентами для угрозы Пекину или даже его штурма было лишь вопросом времени. При таком раскладе сильным мира сего было просто не до маленьких Кайланьских копеек.

На этот раз Альянс восьми держав вторгся в Пекин и Тяньцзинь под предлогом неспособности цинского двора справиться с бунтовщиками-ихэтуанями. Стремясь расколоть и ослабить сопротивление китайцев, интервенты уже достигли компромисса с южными наместниками и губернаторами, заключившими взаимный договор о нейтралитете провинций Юго-Востока. Естественно, военные корабли альянса теперь не стали бы без разбору открывать огонь по торговым судам под южными флагами — ну а если случались какие-то «непредвиденные инциденты», их всегда можно было списать на непреодолимую силу.

И впрямь, захватчикам уголь казался важным, но всё же не столь критичным объектом, способным нести прямую угрозу, как арсеналы. Поэтому в условиях дефицита сил

командование интервентов не стало бы направлять войска на его захват.

То, до чего у других руки не доходили, приглянулось Лэй Чжэню. Нельзя было не признать: в кругозоре этого простого солдата крылась своя особая хватка, заставившая Чжоу Сюэси взглянуть на него совершенно иначе.

Глава четырнадцатая: Аукцион концессий

— Эй, слышали? На шахтах снова набирают рабочих, все идут записываться!

— Пару дней назад до меня донеслись слухи, что в поселок заявила ватага казенных солдат — вроде как из армии столичного генерала Не. Едва явившись, они заняли здание управления, а через несколько дней вывесили объявления о возобновлении работ и добычи. Чистой воды надувательство! Как бы не вышло так, что мы горбатимся в поте лица, а в итоге останемся без гроша в кармане.

— Точно! Военные вечно бесчинствуют. В прошлый раз мой шурин сбегал по личным делам армейского ротного из резиденции цзунду в Баодинфу, и что бы вы думали? О деньгах и речи не было, даже дорожные расходы не покрыли!

— А я слышал, будто генерал Не сложил голову в Балитае. Разве его люди не превратятся в банду мародеров? Пожалуй, лучше подождать, а то горбатиться задарма никому не улыбается.

В любые времена простолюдинов волнуют прежде всего самые насущные вопросы. И когда Лэй Чжэнь собрался развернуть в Кайпине бурную деятельность, к своему величайшему огорчению он обнаружил, что у него в кармане нет средств даже на элементарные текущие расходы.

Управляющий Чжан И бежал в концессию, а большая часть финансов Кайпинских копей хранилась в банках, обменных домах и меняльных конторах Пекина и Тяньцзиня. Без личной печати Чжана И оттуда нельзя было выцарапать ни единой медной монеты. К тому же, обладая Лэй Чжэнь даже собственноручно подписанным ордером Чжана, он всё равно не смог бы пробраться за серебром в охваченные пламенем войны Тяньцзинь или Пекин.

— Да эти угольщики! Неужто им трудно сперва спуститься в забои на добычу, а уже потом получить расчет? — услышав доклад Чжоу Сюэси о том, что шахтеры отработали день, не увидели денег и отказались продолжать работу, Лэй Чжэнь едва не подпрыгнул на месте от досады.

— Насчет этого командир Лэй заблуждается. Горняцкое ремесло связано с подземным трудом, в любой момент грозящим обвалами, прорывами воды и взрывами. Жизнь шахтера висит на волоске, поэтому у них заведено железное правило: отработал день — получи дневной заработок, никаких задержек, — вежливо пояснил Чжоу Сюэси. Хотя Лэй Чжэнь велел ему обращаться к себе без чинов, Чжоу неизменно величал его не иначе как командиром.

Для него возвысившийся за счет штыков Лэй Чжэнь ничем не отличался от кровожадных горных разбойников из древних преданий. Работая под их началом, нельзя было кичиться своими заслугами или вести себя развязно — излишне панибратское «братство» могло запросто навлечь плаху на собственную шею.

Эх, классовое сознание у трудящихся старого общества было на высоте! В том новом обществе, что знал Лэй Чжэнь, недобросовестные наниматели частенько задерживали заработную плату работягам по полгода, а то и годами.

— Цзичжи, а нельзя ли изыскать средства на покрытие жалованья за этот месяц по другим каналам? Например, привлечь купцов через продажу долей в уставном фонде или попросить покупателей внести предоплату за будущие поставки? Что вы думаете?

Пенязь ломаный героя согнет.

Эта поговорка оказалась сущая правда.

Лэй Чжэнь, не моргнув глазом шедший сквозь свинец и железо на поле боя, сейчас был готов взвыть от безысходности.

Стоило ему вспомнить попаданцев из романов, которые заносили в прошлое кучу диковин вроде карманных часов, пистолетов, самолетов, танков да еще целые артели соотечественников с передовыми технологиями, как его начинало трясти от ярости! С какой стати? Все мы люди, почему у тех за плечами баулы с заморскими пожитками да барыши, а он заявился гол как сокол? До чего же несправедливо это проклятое небо!

— В такие смутные времена, когда конца войне не видно, толстосумы давно бежали на юг отсиживаться. Даже вздумай мы занять где средств, сейчас днем с огнем никого не сыщешь. К тому же пакет акций Кайпинского горнодобывающего управления по-прежнему остается в руках управляющего Чжана. Без его передаточной подписи ни один купец не станет иметь с нами дело, — с горькой усмешкой развел руками Чжоу Сюэси.

Даже будучи коммерческим гением, он мог лишь покачать головой в знак бессилия перед таким «капиталистом»-пустышкой, как Лэй Чжэнь. Чжоу прекрасно понимал: купцы вступали в сделку исключительно из-за угля, находившегося в его руках. Без реального товара эти меркантильные дельцы и пальцем бы о палец не ударили.

В конце концов, акции Кайланьских копей принадлежали Цинскому правительству и множеству частных инвесторов. Сам же Лэй Чжэнь, простой вояка, не вложил сюда ни гроша, и в глазах коммерсантов любые его полномочия по временному управлению рудниками испарятся в тот самый момент, когда стихнет грохот войны.

Одолжи они денег Лэй Чжэню — и след простынет навсегда. Тут уж у купцов останется только глаза на мокром месте держать.

Деньги, деньги, деньги! Да если б кто сумел сотворить их из воздуха, старина тут же позволил бы ему спуститься в шахту и возить уголь! Мучимый безрезультатными раздумьями, Лэй Чжэнь в исступлении наматывал круги по кабинету управления. Рядом с ним хмурились Чжоу Сюэси и Дун Фухэ.

Дун Фухэ теперь занимал пост заместителя управляющего и главного инженера Кайланьских копей. В Кайпине, кроме солдат, умевших лишь воевать, у Лэй Чжэня почти не оставалось подходящих людей, поэтому он беззастенчиво привлек к делу Дун Фухэ и его команду повидавших виды техников и рабочих.

— Здесь, в Кайпине, уголь — те же деньги. Вчера кто-то вновь заходил ко мне с расспросами, нельзя ли взять в разработку хотя бы одну шахту, и даже выразил готовность делиться частью прибыли, — обронил вдруг Дун Фухэ, прислушиваясь к тираде Лэй Чжэня.

— Концессия на добычу! Ха, как же это мне самому в голову не пришло! — под удивленными взглядами обоих спутников Лэй Чжэнь грянул раскатистым хохотом, совершенно забыв про приличия.

Слово мудреца способно озарить мгком сознание: реплика Дун Фухэ разом расставила всё по местам. Крупный капитал не спешил сюда соваться, но это не значило, что мелкий капитал оставался столь же равнодушным. Главное достоинство угольного промысла заключалось в его быстрой отдаче — стоило добыть партию угля и вывезти ее наружу, как она тут же превращалась в наличные.

В округе Кайпин и Луаньсянь зажиточные семейства издавна промышленляли добычей частного угля и отлично понимали цену этого топлива. Наверняка тот самый прощупывающий почву делец унюхал барыш и прибежал с настойчивым предложением.

Аренда — превосходный выход! Никаких лишних хлопот, сиди себе на месте и собирай деньги.

А когда в его распоряжении появится достаточно средств, эти концессии можно будет просто прикрыть и вернуть шахты под прямой контроль. Способ, конечно, сулил не столь быстрый доход, но в нынешних условиях лучшего выхода просто не существовало.

Приняв решение, Лэй Чжэнь совместно с Чжоу Сюэси и Дун Фухэ составил проект условий концессии с учетом разной производительности шахт. В документе детально прописывались сроки аренды и обязательные отчисления. Чтобы концессионеры не вздумали утаивать объемы добычи, Лэй Чжэнь приказал разбить подчиненные войска на несколько охранных отрядов, чьей задачей, помимо обеспечения безопасности копей, являлся ежедневный учет добытого угля на каждом участке.

Таким образом, доходы арендаторов становились прозрачными для организаторов торгов. Для такого новичка без стартового капитала и глубоких знаний горного дела, как Лэй Чжэнь, подобный аутсорсинг, пусть и выглядевший несколько менее доходным, сулил очевидные плюсы.

Не вынимая из кармана ни единой монеты, можно было грести прибыль лопатой. Новый подход Лэй Чжэня заставил Чжоу Сюэси совершенно по-новому взглянуть на начальника-простолюдина.

На следующий день у главного входа в здание управления, а также на пяти основных шахтерских участках — Чжаогэчжуан, Линьси, Мацзягоу, Танцзячжуан и Таншань — появились свежие объявления горнодобывающего управления: Все желающие взять угольные шахты в концессию приглашаются в двухдневный срок зарегистрироваться у стойки приема у главного входа в управление. Семнадцатого июля помощник управляющего господин Чжоу проведет аукцион ежемесячных прав на разработку участков Кайланьских копей, и за право добычи в течение месяца будет присуждено предложившему наивысшую цену.

Примечание: Настал новый день, погода прекрасна! Бушует тайфун, но пусть вместе с ним налетят и билеты-пиюшки, да посильнее — Цзинцзин ничего не боится!

Глава пятнадцатая: Пенязь ломаный героя согнет

Грандиозный аукцион по продаже концессий на разработку Кайланьских угольных копей завершился в атмосфере всеобщего удовлетворения!

Лэй Чжэнь сидел в президиуме, расплывшись в довольной улыбке и вылитый олицетворение новоявленного нувориша. Выручка от аукциона составила ровно тринадцать тысяч лянов серебра — для человека, никогда прежде не видевшего больших денег, это была умопомрачительная сумма.

Поистине безграничны возможности частного капитала!

Глядя на физиономию Лэй Чжэня, Чжоу Сюэси и Дун Фухэ синхронно отвернулись и отодвинули свои кресла подавно от этого чудака.

Что такое какие-то тринадцать тысяч лянов?

Когда сам Чжоу Сюэси поступал на службу в Кайпинское горнодобывающее управление, один лишь подарочный взнос Чжану И составил двадцать тысяч лянов. Дун Фухэ и вовсе смотрел на эти гроши свысока: что за места были на Бэйянских арсеналах? Там на закупку заморских машин уходили десятки, а то и сотни тысяч лянов серебра, чего можно было добиться на какие-то жалкие тринадцать тысяч?

Конечно, тринадцать с лишним тысяч лянов — сумма не такая уж маленькая, но выплата жалованья охранным отрядам и служащим управления съела добрую ее половину. Лэй Чжэнь с таким трудом заманил войска в Кайпин, что для поддержания дисциплины просто обязан был выдать им полное содержание — без денег никто бы не стал подчиняться приказам.

Что же касается техников и рабочих бывшего арсенала, временно прикомандированных к управлению, им тоже нужно было что-то есть, одеваться и кормить семьи. Нельзя же заставлять людей пахать на голодный желудок!

Так что на первый взгляд тринадцать тысяч лянов казались внушительной суммой, но в реальности Лэй Чжэню их катастрофически не хватало.

Из-за отсутствия твердой уверенности в прочности положения Лэй Чжэня временного управляющего Кайпинскими копиями, срок концессий ограничивался всего одним месяцем. Если по истечении этого срока банда Лэй Чжэня всё еще останется в Кайпине, состоится второй тур торгов, в противном случае арендные соглашения автоматически аннулируются.

<http://bllate.org/book/21116/2142719>